

История экономической мысли

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА А. В. ЧАЯНОВА (к 80-летию гибели ученого)

Александр НИКУЛИН

Александр Михайлович Никулин —
кандидат экономических наук,
директор Центра аграрных исследований
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82).
E-mail: nikulin@ranepa.ru

Аннотация

Выдающийся российский аграрник-экономист Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) кроме всесторонних исследований российского сельского хозяйства оставил обширное научное наследие, связанное с изучением аграрных экономик самых различных регионов земного шара. Именно свободная ориентация Чаянова в вопросах международной аграрной экономики, науки и политики позволила ему органично обобщать в своих исследованиях как российский, так и зарубежный аграрный опыт, придавая во многом универсальный характер его теоретическим концепциям в сфере экономики крестьянского хозяйства, сельскохозяйственной кооперации, социальной агрономии и экономической политики. До сих пор ни в российской, ни в зарубежной научной литературе не было специальных историко-аналитических исследований, посвященных А. В. Чаянову как аграрнику-международнику. В данной статье автор стремится восполнить этот пробел, реконструируя основные вехи и темы зарубежных аграрных исследований Чаянова, актуализируя их для понимания современных российских и международных аграрных проблем. В статье рассматривается эволюция аграрно-экономических взглядов Чаянова на сельское хозяйство Европы начала XX века, в частности переосмысление значения автаркизации и натурализации сельского хозяйства России и мира в условиях мировой и гражданских войн, а также международные аграрные исследования ученого и его научно-исследовательского института в 1920-е годы. В последней части статьи анализируются драматические попытки Чаянова в ходе советской коллективизации рационализировать проекты создания сверхкрупных аграрных предприятий — совхозов, ориентированных на опыт стопроцентной американской механизации. В заключение ставится вопрос о причинах востребованности чаяновского международного аграрного наследия в XXI веке.

Ключевые слова: А. В. Чаянов, сельское хозяйство, экономическая теория, регионы, крестьянство, фермерство, совхоз, автаркия.

JEL: B31, P51, Q18, R58.

Введение

Вопросы осмысления научного наследия Александра Васильевича Чаянова в связи с историей и перспективами регионального мирового сельского развития периодически ставились и ставятся в российских и зарубежных исследованиях, но до сих пор они не подвергались специальному системному исследованию. Из работ, которые, тем не менее, обобщающе или фрагментарно касались этой темы, необходимо отметить научные публикации отечественных авторов: [Данилов, 2011; Назаренко, 1988], а также иностранных: [Kerblay, 1966; Bourgholtzer, 1999; Шульце, 2008; Шанин, 1989; Van der Ploeg, 2013].

Также стоит подчеркнуть, что не только Чаянов, но также ряд его коллег по так называемой организационно-производственной школе: профессора Александр Николаевич Челинцев, Борис Давидович Бруцкус, Алексей Александрович Рыбников, Николай Петрович Макаров, Геннадий Александрович Студенский — плодотворно занимались международными аграрными исследованиями. Однако международная аграрная регионалистика всей организационно-производственной школы — это тема для отдельной научной публикации.

1. Чаяновские исследования предвоенной Европы: прогресс и крестьянство

Самостоятельная научная деятельность молодого Чаянова фактически начинается с обширной аналитики передового аграрного опыта предвоенной Европы. Еще будучи студентом, в возрасте двадцати лет Чаянов совершает в летние каникулы 1908—1909 годов путешествия по Италии и Бельгии. Эти поездки предпринимаются за его собственный счет. В анкете, заполненной для органов советской власти в 1921 году, в графе «Имущественное положение членов семьи: указать, кто и сколько имел до революции недвижимостей, капитала, предприятий»¹ Чаянов отмечает, что в наследство от отца ему досталось на 40 тыс. руб. паев и ассигнаций, из которых половину суммы Чаянов истратил на собственное образование, а остальные 20 тысяч были конфискованы в 1918 году. По-видимому, значительная сумма потраченных на образование денег пошла именно на заграничные поездки Чаянова. По окончании Московского сельскохозяйственного института в 1912 году Чаянов был отправлен в годичную командировку в сельскохозяйственные научно-исследовательские учреждения Германии, Франции, Швейцарии «для подготовки к занятию

---

¹ Анкета, заполненная А. В. Чаяновым для поездки за границу. РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 68 а. Л. 21—22.

кафедры сельскохозяйственной экономики» [Известия, 1912]. Следует подчеркнуть, что эти первые поездки 1908—1909 годов, а также научная командировка 1912 года оказались чрезвычайно плодотворными в становлении молодого ученого.

Конечно, юный любознательный Чаянов, в будущем не только ученый, но и писатель, искусствовед, впитывал в себя культурно-эстетическое наследие Европы, чему служат свидетельством мастерские описания европейских достопримечательностей, разбросанные в его авантюрно-романтических художественных произведениях 1918—1928 годов². Но вся эта туристическая регионалистика будет по памяти воссоздана Чаяновым уже после революции. А по возвращении из Европы в Россию, тогда же, в 1908—1909 годах, Чаянов оперативно публикует циклы своих статей в одном из ведущих периодических аграрных изданий России «Вестник сельского хозяйства» [Чаянов, 1908; 1909; 1910]. Интеллектуальная Россия в это время жадно впитывала в себя международный аграрный опыт и внимательно анализировала его³. Результаты своих международных аграрных впечатлений 1908—1912 годов Чаянов в 1912—1914 годах перерабатывал из многочисленных статей в отдельные брошюры, характеризующие ключевые проблемы сельского развития европейских стран, и непременно в сравнении с сельской Россией [Чаянов, 1912. С. 1, 2; 1913].

В целом международной аграрной регионалистике Чаянова присущ собственный авторский почерк и стиль. Фактически каждая аналитическая статья Чаянова из Европы начинается увлекательным обзорно-статистическим описанием страны, где побывал автор, с последующим переходом к конкретным характеристикам сельскохозяйственных явлений: особенностям национальной организации крестьянских хозяйств, видам и формам сельскохозяйственных кооперативов Италии, отраслевым особенностям кооперативного скотоводства в Бельгии и во Франции, свеклосахарных хозяйств в Германии, молочных ферм Швейцарии и т. д.

Например, Чаянов начинает свои публикации об успехах общественной агрономии и сельскохозяйственной кооперации в Италии с увлекательного историко-статистического экскурса в бурное эконо-

---

² Как отмечает биограф Чаянова В. Н. Балязин: «Из написанных пяти романтических повестей Чаянова можно узнать, например, где он побывал, ибо описания многих городов убедительно свидетельствуют о личных впечатлениях. Это — Венеция и Вена, Льеж и Намюр, Париж и Лондон, Гейдельберг и Берлин, Пьяченца и Павия» [Балязин, 1990. С. 61].

³ В аграрной науке России именно в это время, на рубеже 1910-х годов, складывается глубоко оригинальное направление экономической мысли — так называемая организационно-производственная школа. Ее возникновение связывают с первыми оригинальными публикациями в области крестьянского хозяйства и сельского районирования старших современников и коллег Чаянова — А. Н. Челинцева (1874—1962) и Б. Д. Бруцкуса (1874—1938), которые также пристально изучали международный аграрный опыт. Фактически одновременно с чаяновскими публикациями о европейском сельском хозяйстве публикуются и работы других авторов: [Челинцев, 1909; Бруцкус, 1909].

мическое развитие этой страны в конце XIX — начале XX века, особо отмечая, что сельскохозяйственное производство Италии «...не было искусственно вздуто, оторвано от народных масс... но, наоборот, родилось из глубины народного хозяйства и, являясь действительным экономическим возрождением всей нации, в сильной мере способствовало повышению благосостояния народных масс» [Чаянов, 1909. С. 4].

Чаянов начинает свое анализ успехов бельгийской крестьянской кооперации с описания уютного кафе, принадлежащего бельгийским кооператорам, где они проводят свои заседания, а потом переходит к изложению организационных принципов бельгийских кооперативов [Чаянов, 1910].

Или другой пример: в брошюре, характеризующей швейцарское сельское хозяйство, Чаянов дает впечатляющую картину социально-экономического сосуществования двух Швейцарий в одной стране. Первая Швейцария — всемирно известная страна знаменитых курортов. Вторая, лежащая в стороне от туристических троп и дорог, — Швейцария крестьянско-деревенская, надежно обеспечивающая своими высококачественными мясомолочными продуктами Швейцарию городов и туристических курортов [Чаянов, 1912].

При этом надо отметить, что аналитическое сравнение зарубежных и российских данных сельскохозяйственного развития подтолкнуло Чаянова к формированию собственной оригинальной концепции крестьянской экономики и ее кооперации, о чем свидетельствуют многочисленные страницы компаративистского европейско-российского аграрного анализа в двух знаменитых чаяновских монографиях — «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» [Чаянов, 1919] и «Учение о крестьянском хозяйстве» [Tschajanow, 1923]. «Учение...» изначально было опубликовано в Германии на немецком языке и только спустя пару лет в расширенном и дополненном виде (с учетом критических отзывов немецких и российских коллег) увидело свет в России под заглавием «Организация крестьянского хозяйства» [Чаянов, 1925].

Из всех международных публикаций Чаянова предвоенного периода надо особо отметить краткую, но чрезвычайно любопытную статью «К вопросу о народном благосостоянии в Европе» [Чаянов, 1914], вышедшую в 1914 году в восьмом номере влиятельного петербургского журнала «Современник». В этой статье Чаянов выходит за рамки своей аграрной специализации и фактически берется рассуждать на широкие политэкономические и социально-экономические темы.

Статья начинается в целом оптимистическим антимальтузианским пассажем: «В начале прошлого века английский экономист Мальтус предвещал мрачное будущее современному человечеству. Он утверждал, что человеческое население земного шара неудержимо

увеличивается в своем числе, и рост этот перегоняет возможный рост средств существования. По его мнению, по мере дальнейшего увеличения плотности населения земного шара, человечеству всё труднее будет добывать свой хлеб насущный... Однако он упускает из виду, что параллельно росту населения чрезвычайно быстро нарастают человеческие знания и не менее быстро совершенствуются технические методы добывания средств существования. Завоевания человеческого ума настолько умножают силы человека, что позволяют ему успешно бороться с последствиями нарастающей тесноты населения...» [Чаянов, 1914. С. 78].

Далее Чаянов обращается к современной ему статистике массового потребления в двух главнейших европейских державах — в Англии и Франции. В обеих странах долговременная динамика потребления основных сельскохозяйственных продуктов (мяса, хлеба, сахара, хлопка) свидетельствует о преобладании антимальтузианских тенденций. А значит, утверждает Чаянов: «Мы можем с несомненностью установить, что Англия... сумела настолько повысить добычу средств существования, что, несмотря на значительный прирост населения, уровень благосостояния народных масс не только не понизился, но, наоборот, чрезвычайно сильно возрос. Повышение уровня благосостояния особенно сильно видно при изучении Франции...» [Чаянов, 1914. С. 79].

В конце своей статьи Чаянов обращается к социальным аспектам дифференциации распределения благ в Европе, отмечая, например, что во Франции 86,5% населения получают 54% национального дохода, в то время как оставшиеся 13,5% населения получают 46%. В исторической динамике, показывает Чаянов, благосостояние трудящихся классов Франции, безусловно, растет, но медленней, чем стремительно возрастающее благосостояние богатейших классов этой страны.

Статья заканчивается вполне стандартным — прогрессистским, фактически социалистическим, — выводом, достаточно популярным среди интеллектуальных элит начала XX века: «Итак, вопреки прогнозу Мальтуса, народное благосостояние передовых стран растет, а не падает. Для своей духовной культуры они имеют прочную материальную базу, которая всё крепнет, а не слабеет с ростом населения. Проблема *производства* не стоит перед современным человечеством; и внимание народных масс с полным основанием перенесено в сторону иной проблемы — *распределения*» [Чаянов, 1914. С. 82].

Удивителен оптимизм этой статьи — в региональном смысле сверхъевропоцентричный; Чаянов словно забывает, что в других регионах земного шара, менее развитых, зато имеющих аграрное перенаселение, мальтузианство не собирается так просто уступать свои позиции. К тому же упоминаемая Чаяновым проблема *распределения* касалась

распределения не только благ между европейскими социальными стратами, но и территорий между европейскими империалистическими державами. Удивительно также, насколько легкомысленно Чаянов предполагал, что для процветания духовной культуры Европы достаточно иметь лишь ее расширяющуюся продовольственную базу.

По коварной иронии судьбы, именно в тот момент, когда этот новейший том журнала «Современник» с реформистско-прогрессистским прогнозом Чаянова появился в печати, в Европе разразилась невиданная и жесточайшая война, которая, казалось, с новой силой пробудила самые мрачные предчувствия мальтузианства.

Надо признать, что во всех своих последующих сочинениях А. В. Чаянов никогда более не делал однозначно оптимистических предсказаний.

2. Первая мировая и Гражданская войны: парадоксы автаркизации экономики

Для Чаянова и его современников непредсказуемо начавшаяся Первая мировая война к тому же еще и непредвиденно затянулась. Как особо отмечал Чаянов в своих публикациях и в 1914-м [Чаянов, 1914], и в 1917 годах: «Никто не мог предполагать, что война затянется на долгие годы... Полагали, что мировое столкновение народов выльется в кровопролитную битву, и в течение 2—3 месяцев всё будет кончено. Такого рода убеждение было всеобщим и в военном мире, и среди экономистов» [Чаянов, 1917. С. 6—7].

Прежде всего, эта война привела к разрыву давно устоявшихся международных торгово-экономических отношений. Казалось, сельская Россия, уже на протяжении несколько предшествующих десятилетий включенная в мировую торговлю своими экспортными сельхозтоварами, с закрытием из-за войны железнодорожного сообщения с Европой и морских путей через Черное и Балтийское моря неминуемо должна была задохнуться от невозможности реализовать на мировых рынках хлеб, масло, лен, битую птицу и другие свои продукты.

Однако, как отмечал Чаянов, ожидаемого резкого падения цен на сельхозпродукты не произошло по разным причинам. Наоборот, начиная с 1915 года в России зафиксирован рост цен на продукты питания, а также экспансия натурализации и автаркизации российской аграрной экономики. Подобного рода процессы натурализации и дезинтеграции экономики, усиления ее автаркизации, конечно, были характерны и для других воюющих стран. И уже в 1915 году в развитие концепции немецкого экономиста Иогана Генриха Тюнена Чаянов в форме абстрактного математического моделирования отразил проблемы автаркизации аграрной экономики в статье под

названием «Проблема населения в изолированном Государстве-Острове» [Чаянов, 1915. С. 42–56].

Одним из первых среди современников Чаянов обратил внимание на роль и значение процессов макроавтаркизации (изолированное государство) и микроавтаркизации (натуральная экономика домохозяйств), а также на взаимопроникновение этих процессов как долгосрочных явлений не только истории, но также современности, а возможно, и будущего человечества.

Популярные эпитеты нашего времени «глобалист» и «антиглобалист» не подходят к характеристике Чаянова, который всегда стремился быть *реалистом*, признающим возможности сосуществования экономической интеграции и автаркизации в конкретных условиях исторических места и времени. А искусство экономической политики, полагал Чаянов, заключается в умелом (оптимизирующем!) дирижировании различными экономическими укладами в их как финансовых, так и натуральных проявлениях.

В годы Первой мировой войны Чаянов не только проделал колоссальную работу по анализу разнообразных социально-экономических явлений в условиях мировых и национальных политических и экономических кризисов, но и, прежде всего, лично участвовал в организации продовольственного и материального снабжения армии и городов, находясь в руководстве различных всероссийских кооперативных органов. В 1917 году он принимал активное участие в разработке аграрной реформы, за две недели до Октябрьского переворота стал товарищем (заместителем) министра земледелия Временного правительства.

В годы Гражданской войны Чаянов всеми силами поддерживал работу сети российских кооперативных организаций, стремясь отстоять их самостоятельность перед лицом тотального большевистского огосударствления национальной экономики.

Весь свой уникальный научный и административный опыт времени «эпохи катастроф» Чаянов в форме ироничной либерально-народнической притчи изложил в 1919 году в футуристической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». В ней герой русской революции 1917 года — старый интеллигент-большевик, загадочным образом оказавшись в Москве 1984 года, зачитывается книгой по всемирной и российской истории XX века. В этой книге подчеркивается, что даже после стремительной победы всемирной коммунистической революции история отнюдь не закончилась, а лишь продолжилась непредсказуемым реваншем разнообразия развития социальных альтернативных вариантов, преодолевающих теорию и практику универсальных догм любых идеологических оттенков.

Именно поэтому многие строчки чаяновской утопии сейчас читаются как поразительно сбывшиеся или, возможно, еще сбывающиеся

пророчества. Например: «Мировое единство социалистической системы держалось недолго, и центробежные социальные силы весьма скоро разорвали царившее согласие... Олигархия советских служащих выродилась в капиталистический режим... Европа снова распалась на составные части. Постройка мирового единства рухнула...» [Чаянов, 1989. С. 204].

В утопии Чаянова многополярный и многоукладный социальный мир, раскрываясь и закрываясь в своих различных региональных формах, прихотливо, парадоксально и всё же неуклонно движется к высвобождению многообразия природы человеческой личности и человеческого общества.

Четыре года спустя некоторые идеи своей утопии Чаянов изложил в форме строгого научного политэкономического трактата «К вопросу о теории некапиталистических хозяйственных систем», опубликованного в Германии на немецком языке ввиду невозможности его появления в России из-за советской цензуры [Tschajanow, 1924. S. 577–613]. Безусловно признавая доминирование капиталистической экономики, прежде всего в форме финансового капитала, Чаянов, тем не менее, призывал обратить внимание на сосуществующие с капитализмом иные экономические системы, например семейное хозяйство или советский экономический строй, который Чаянов называл системой «государственного коллективизма», в конце концов вместе с капитализмом формирующие многообразие мировой хозяйственной жизни.

Основные выводы своего исследования Чаянов подвел следующим образом: «Представляется... целесообразным разработать для каждого экономического режима особую политэкономическую теорию.

Единственная трудность осуществления этой идеи состоит в том, что в реальной хозяйственной жизни мы чрезвычайно редко встречаемся с экономическим строем как “чистой культурой”, если заимствовать термин из биологии. Обычно экономические системы существуют бок о бок и образуют сложные конгломераты...

Сегодня, когда наш мир постепенно перестает быть только европейским миром, а Африка и Азия с их специфическими экономическими формациями всё больше и больше будут входить в круг нашей жизни и культуры... будущее экономической науки будет заключаться не в конструировании единой универсальной теории экономической жизни, а в создании ряда теоретических систем, которые были бы адекватны ряду настоящих и прошлых социально-экономических укладов и которые бы раскрывали формы их сосуществования и эволюции» [Чаянов, 1991. С. 195–196].

Эти положения Чаянова во многом остаются чрезвычайно актуальными и в современных междисциплинарных социально-экономических региональных исследованиях.

3. НИИСХЭ: всемирная регионалистика аграрно-экономических исследований

В 1919 году на базе сельскохозяйственной академии Чаянов создал «Высший семинарий сельскохозяйственной экономики и политики», который в том же году был трансформирован в Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики, и стал его директором. В институте приступили к работе около трех десятков ученых и преподавателей. Несколько позже из чаяновского института выделилась в отдельный Конъюнктурный институт группа профессора Николая Дмитриевича Кондратьева. Эти два института — Чаянова и Кондратьева — были главными исследовательскими экономическими центрами советской России 1920-х годов. В чаяновском институте работали ведущие экономисты-аграрники того времени — Александр Николаевич Челинцев, Николай Павлович Макаров, Александр Александрович Рыбников, Альберт Львович Вайнштейн и другие. За десять лет своего существования НИИСХЭ выпустил более сорока монографических исследований, большинство из которых были посвящены экономике крестьянского хозяйства, методам аграрно-экономических исследований, сельскохозяйственному районированию, вопросам сельскохозяйственной политики.

Надо особо подчеркнуть, что институт Чаянова с первых лет своего существования стал целенаправленно развивать международное научное сотрудничество с ведущими аграрными исследовательскими центрами всего мира. В ученый совет НИИСХЭ были приглашены маститые зарубежные специалисты из Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Дании, США, такие как Фридрих Аеребоэ, Теодор Бринкман, Эрнст Лаур, Давид Ларсен, Норберт Уоренн, Дадли Норс. Некоторые из этих ученых приезжали в Москву в НИИСХЭ для участия в семинарской и лекционной работе. Книги Аеребоэ, Бринкмана, Лаура, Уоренна были переведены на русский язык под эгидой НИИСХЭ.

Ведущие ученые НИИСХЭ до конца 1920-х годов имели возможность совершать долговременные научные поездки в европейские страны и США. Сам Чаянов в это время несколько раз побывал в Германии, Франции, Англии, Швейцарии, США, Эстонии, где принимал активное участие в научной жизни, иногда выступая с лекциями.

В результате к концу 1920-х годов институт Чаянова становится одним из ведущих международных аграрных исследовательских центров⁴. Издав в Германии, в то время главном мировом научном

⁴ Ведущие ученые института — коллеги Чаянова по организационно-производственной школе также обобщают свой международный аграрный исследовательский опыт в ряде специальных публикаций [Макаров, 1921; 1924; Рыбников, 1923; Студенский, 1928].

центре в аграрной области, свою книгу на немецком языке «Учение о крестьянском хозяйстве» и получив в немецкой академической прессе в целом положительные и благожелательные отзывы на это свое сочинение, Чаянов далее на основе академического справочника «*Minerva*» из НИИСХЭ разослал свою книгу по 150 академическим адресам всех стран мира, получив на свою рассылку более 70 ответов. В следующем году Чаянов таким же образом разослал свою вторую немецкую книгу «Общественная агрономия», установив еще более прочные связи с мировым аграрным сообществом. В дальнейшем ежегодно НИИСХЭ рассылал по 3–4 книги своих избранных трудов во всё более расширяющуюся международную научно-аграрную сеть, взамен также получая книги аграрников из Германии, Дании, Нидерландов, Норвегии, Польши, Литвы, Англии, Эстонии, Франции, Италии, Австрии, Чехословакии, Швейцарии, Греции, Сирии, Турции, Сиам, Австралии, Новой Зеландии, Китая, Японии, Гавайев, Канады, США, Мексики, Уругвая, Гондураса, Аргентины, Южной Африки [Чаянов, 1998. С. 4–143].

Самим Чаяновым была сделана емкая и развернутая оценка географии мировой аграрно-экономической науки 1920-х годов в двух его обзорных статьях 1926–1927 годов [Чаянов, 1926. С. 167–172; 1927. С. 53–61].

В первом обзоре Чаянов сконцентрировался на проблематике новейших научно-экономических изысканий (не только аграрных) на Западе [Чаянов, 1926. С. 167–172]. Анализ Чаянова строится по страновому признаку и начинается с Германии. По его оценке, в середине 1920-х годов в немецких новейших научных журнальных и монографических публикациях наиболее интересными были полемика вокруг идей австрийской школы политической экономии, теория денег, злободневные политические вопросы германских репараций и бурная дискуссия вокруг проблем хозяйственного расчета и учета при социализме. Здесь в эпицентре научных споров оказалась недавно вышедшая обширная монография Людвиг Мизеса, по мнению Чаянова, «посвященная не столько умной, сколько остроумной критике общественных форм хозяйства» [Чаянов, 1926. С. 169]. Чаянов не без удовлетворения отмечает, что Мизес в своей книге критикует второй том научных трудов его НИИСХЭ, где были опубликованы статьи Станислава Густавовича Струмилина, Евгения Самуиловича Варги и самого Чаянова о возможностях безденежного учета хозяйственных предприятий при социализме.

Конечно, Чаянов обращает внимание на выход в свет новых политэкономических сочинений Луйо Брентано и Густава Касселя.

Переходя непосредственно к обзору новейших направлений аграрной теории в Германии, Чаянов выделяет полемику о взаимоотношении частно-хозяйственных и народно-хозяйственных доходов

между Эрнстом Лауром с одной стороны и Йозефом Шумпетером — с другой. Упоминает о новейших изысканиях в области сельскохозяйственного кооперативного кредита, заключая свой немецкий обзор ссылкой на кёнигсбергскую монографию Эльхарда Митшерлиха, по мнению Чаянова, «посвященную тонкой математической разработке огромных эмпирических материалов, касающихся известных агрономических законов минимума и оптимума, и технических фракций пресловутого закона убывающего плодородия земли, представленного в этой работе в совершенно новых разрезе и формулировке» [Чаянов, 1926. С. 170].

Подчеркивая глубокомысленность и обширность новейших политэкономических публикаций на немецком языке, Чаянов отмечает, что разработка новых экономических идей в остальных странах в целом является более упрощенной, прикладной и эмпирической. Так, перечислив с десяток различных недавних экономических сочинений на французском языке, он заключает: «Все эти работы носят описательный характер, без попыток теоретического анализа. В области же теоретической экономии ничего особенно интересного нет...» [Чаянов, 1926. С. 170]. Впрочем, тут же оговаривается: «Несколько богаче социологическая литература, в составе которой, прежде всего, следует отметить большую двухтомную работу Парето» [Чаянов, 1926. С. 170]. Чаянов здесь имеет в виду знаменитый «Социологический трактат» великого итальянца Вильфредо Парето, вышедший в свет на французском языке. Посетовав, что еще более у него скудны сведения по итальянской экономической литературе, Чаянов, тем не менее, смог упомянуть в своем обзоре десяток сочинений.

Заканчивая свой обзор анализом англо-американской экономической мысли, Чаянов, с одной стороны, особо упоминает в США «в большинстве случаев молодых, еще мало известных экономистов, со всем пылом юности ниспровергающих все основы политической экономии и пытающихся построить нашу науку на позитивном эмпирическом материале» [Чаянов, 1926. С. 171]. С другой стороны, Чаянов подчеркивает значение посмертного английского издания трехтомника экономических сочинений Френсиса Эджворта, которого характеризует как «наиболее крупного из экономистов современной Англии, к сожалению, недавно умершего» [Чаянов, 1926. С. 172].

В целом этот чаяновский обзор представляет собой высокопрофессиональный, проницательный, объективно сбалансированный анализ новейших направлений политэкономии, экономической социологии и аграрных наук середины 1920-х годов. Почти все сочинения, охарактеризованные Чаяновым особо позитивно, теперь являются классикой экономических и социальных наук.

Второй международный обзор Чаянова, написанный им годом позже, сконцентрирован исключительно на анализе иностранных аграрных научно-исследовательских институтов. В девяти кратких параграфах сгруппированы аграрные институты в десяти регионах земного шара, с которыми НИИСХЭ установил регулярные книгообмен и переписку: (1) лимитрофы (страны Балтии); (2) скандинавские страны и Голландия; (3) Германия и страны немецкого языка; (4) романские страны Европы; (5) страны Восточной Европы; (6) Англия; (7) США; (8) другие государства Америки; (9) прочие страны (куда попали прежде всего Япония, Индия, Южная Африка).

Не имеет смысла и возможности телеграфно пересказывать характеристики, данные Чаяновым нескольким десяткам научных аграрных учреждений мира, возглавляемых заслуженными профессорами-аграрниками своего времени. Ограничусь здесь цитированием заключительного абзаца чаяновской статьи, в которой он определяет основную мировую эпистемологическую интригу противостояния двух ведущих национальных аграрных методологий 1920-х годов: «Мы можем отметить две основные традиции — с одной стороны немецкую, исходящую от школы Гольца и исторической школы немецких экономистов, которая в своих трудах дает по преимуществу экономический анализ объектов исследования, освещая также генезис изучаемых экономических явлений. В основе методики лежат методы классического *Betriebslehre*, изучавшего крупные капиталистически организованные хозяйства, причем эта методика, с некоторыми изменениями, переброшена на крестьянские хозяйства.

Совершенно иную традицию мы имеем в англосаксонских странах, где анализ принципиально смешивает технические и экономические проблемы, почти совсем не интересуется генезисом изучаемых объектов и стремится дать работам узкоспециализированную целевую практическую установку.

В других странах мы имеем то или иное сочетание обеих традиций» [Чаянов, 1927. С. 61].

Сам Чаянов по своему академическому воспитанию изначально, безусловно, испытал мощное влияние германской аграрной школы, но далее его собственный опыт эмпирической работы с российскими земскими статистическими источниками, а также налаживание тесных исследовательских контактов с учеными США и Великобритании привели его и коллег по НИИСХЭ к формированию вполне самостоятельного и оригинального направления отечественной аграрной мысли — так называемой организационно-производственной школы, которая была уничтожена в расцвете своих интеллектуальных сил к началу 1930-х годов.

Показательно, что в расстрельном приговоре, вынесенном в Алма-Ате в 1937 году, Чаянову особо инкриминировались его обширные

научные связи, квалифицировавшиеся как шпионские, при этом утверждалось, что в середине 1920-х годов он был завербован самим Джоном Мейнардом Кейнсом во время их личной встречи.

4. Международное аграрное обозрение: Россия между полюсами сельской эволюции

Квинтэссенцией международного аграрного опыта в связи с перспективами сельского развития советской России является аналитическая записка Чаянова Вячеславу Михайловичу Молотову, написанная в начале октября 1927 года для обсуждения завершения периода послевоенного восстановления народного хозяйства СССР и перспектив первой пятилетки.

Свое изложение Чаянов начинает с краткого обозрения исторической эволюции мирового сельского хозяйства нескольких последних десятилетий. Он выделяет два полюса этой эволюции: западный (американский, характерный прежде всего для Северной Америки, в значительной степени для Южной Америки, а также для Южной Африки и Австралии) и восточный (индийско-китайский, характерный также для восточных аграрно-перенаселенных стран — соседей Индии и Китая).

В центре американского типа сельского развития находятся фермерские хозяйства, где типичный фермер трудится лично вместе с двумя-тремя наемными работниками в своем экстенсивном, значительно механизированном и машинизированном семейном хозяйстве, плотно контролируемом развернутой вертикальной системой капиталистической концентрации через банковские кредиты, элеваторные, мелиоративные, торговые компании, извлекающие из фермерства значительную прибыль.

Индийско-китайский полюс сельского развития характеризуется аграрным перенаселением в условиях продолжающегося господства феодально-общинного строя, исключительной трудоемкостью сельского хозяйства, повсеместным распространением кабальных условий аренды, кредита, найма рабочей силы.

Остальные регионы мира в разной степени находятся между этими двумя полюсами, и Россия в конце XIX — начале XX века являет собой невероятно парадоксальную «порайонную смесь» этих полярных типов.

Именно пореформенная русская деревня, выпутывавшаяся из остатков феодальных отношений, оказалась, по мнению Чаянова, перед Первой мировой войной на *«жесточайшем переломе»* (выделено мной. — А. Н.), сопровождающем переход от натуральной экономики к денежно-товарной» [Чаянов, 2003. С. 207].

При этом с точки зрения рыночной экономики Соединенные Штаты Америки изначально заселялись рационально — по зонам эко-

номической интенсивности, определяемым рыночной конъюнктурой. А в России с XVII по конец XIX века основная масса населения размещалась почти вне зависимости от рынка, скапливаясь прежде всего в плодородных регионах, затем в регионах, находящихся в относительно безопасном стратегическом положении. В итоге к началу XX века российское население размещалось регионально «в вопиющем несоответствии... требованиям рынка» [Чаянов, 2003. С. 207]. Региональная картина России включала в себя районы тяжелейшего аграрного перенаселения в плодородных центрально-черноземных регионах — «подобия китайского земельного режима» [Чаянов, 2003. С. 208]. В нечерноземных областях кризис аграрного перенаселения одновременно смягчался и отягощался массовым отходничеством в промышленные города центральных областей. А в степном и недонаселенном юго-востоке Поволжья, на Северном Кавказе, в Сибири действительно происходила стремительная американизация российского сельского хозяйства — изживание докапиталистических форм, рост фермерства, механизированного и машинизированного, в условиях реальной капиталистической социально-экономической дифференциации.

В целом Чаянов так характеризует поляризованную интригу сельского развития мира конца 1920-х годов: «Кооперативно организованный фермер, вошедший через смычку с банком в систему капиталистического организованного хозяйства, — вот герой дня земледелия обеих Америк, Австралии и Южной Африки... В противоположность этому в аграрно-перенаселенных странах, за исключением Японии, положение дел осталось почти то же, что и до войны» [Чаянов, 2003. С. 208].

А что произошло и происходит в это время в советской России? Чаянов, отмечая, что в целом ее сельское хозяйство восстановилось до довоенного уровня, подчеркивает, что теперь Россия находится на перепутье. Вновь в России накапливается, особенно на юго-востоке, потенциал сельского капиталистического развития по образцу американского фермерства, в то время как большая часть страны всё еще по-прежнему представляет собой океан полунатуральных крестьянских хозяйств. Но эти хозяйства не остаются в неизменном состоянии.

В действительности послевоенная, послереволюционная деревня сильно переменилась. Во-первых, в деревнях теперь задает тон новое молодое поколение крестьян, прошедшее через события мировой войны и российской революции, его мировоззрение расширилось, оно ждет дальнейших перемен и готово к ним. Традиционная власть консервативных стариков-бородачей местами фатально подорвана, местами даже свергнута. Во-вторых, агрономическая наука и кооперация 1920-х годов, восприняв и развив усилия земской агрономии,

способствуют реальному прогрессу крестьянских хозяйств. Именно в этих условиях у советской России появляется шанс определиться с собственным новым, более эффективным путем развития, с тем чтобы избежать Сциллы американской фермерской зависимости от финансового капитала и Харибды индийско-китайской стагнации крестьянского перенаселения. Вместо американской вертикальной аграрной интеграции через господство финансового капитала над фермерами советская вертикальная аграрная интеграция должна представлять собой развитие самых разнообразных форм рыночной сельскохозяйственной кооперации, строящихся и контролируемых социалистическим государством. Чаянов так поясняет Молотову принципиальное отличие советской системы от американской: «Постепенное развитие элементов общественного хозяйства должно идти по линии: кредит — закупка — сбыт — вспомогательные к сельскому хозяйству предприятия — организации первичной переработки... — обобществление целого ряда отраслей в крупные кооперативные предприятия. Именно эта форма накопления в нашей деревне социалистических элементов одна только может противостоять развитию фермерского типа тенденций» [Чаянов, 2003. С. 219].

При этом Чаянов отмечал, что даже фермерство может развиваться в таких условиях, но его капиталистический потенциал не страшен при господстве крестьянской кооперации, где социалистическое государство контролирует все ключевые экономические позиции.

Возникает вопрос, действительно ли сам Чаянов считал, что американский фермерский путь является столь опасным и неприемлемым для советской России? По-видимому, подобного рода фермерскими американизмами Чаянов отчасти «запугивал» Молотова, отчасти «заигрывал» с ним, как бы подчеркивая, что сам Чаянов и его организационно-производственное направление, являясь антикапиталистическими, предлагают через устойчивое крестьянско-кооперативное развитие не противоречащий большевистской идеологии план построения нового общественного строя — социализма в СССР.

В заключительной части своей записки Чаянов специально остановился на возможных вызовах надвигающейся советской индустриализации. Он подчеркивал, что индустриализация не может ограничиваться лишь ускоренным развитием городской обрабатывающей промышленности. С нее, безусловно, начавшись, в ближайшее пятилетие она вскоре драматически проявится именно в грядущей сельскохозяйственной индустриализации. В связи с этим Чаянов призывал «предвидеть отмеченный мной *перелом* (выделено мной. — А. Н.)»⁵.

---

⁵ Удивительно, что в начале и в конце своей аналитической записки октября 1927 года Чаянов дважды акцентированно употребляет слово «перелом» вполне в том значении, которое использует Сталин в ноябре 1929 года в статье «Год великого перелома» [Чаянов, 2003. С. 219].

И действительно, «перелом» не заставил себя ждать: начиная со следующего 1928 года он стал неумолимо надвигаться среди новых советских бурных политических дебатов, вызывающих к новому международному аграрному опыту, но не типичных американских фермеров, а уникальных американских агрофабрик.

5. Последний проект Чаянова: коллективизация и советско-американские агрогиганты

Обращение к политике раскулачивания и коллективизации возникло из экономических и политических затруднений советской власти с хлебозаготовками в 1928 году. Партийное руководство утверждало, что для успешного проведения политики индустриализации ему не хватает около 100 млн пудов товарного хлеба, которые утаивает крестьянство, ведомое кулачеством [Данилов, 2011. С. 680]. Чтобы изъять у крестьян достаточно хлеба для необходимой индустриализации и урбанизации, Сталин настаивал прежде всего на применении репрессивных внеэкономических мер по отношению к деревне в духе военного коммунизма. Одновременно Сталин инициировал амбициозный план создания в южных степных районах СССР сети гигантских совхозов — государственных агрофабрик с предполагаемой стопроцентной механизацией [Как ломали НЭП, 2000. С. 453—524].

Политика нажима на крестьянство в конце 1920-х годов вызвала сопротивление не только со стороны крестьян, но даже в партийных кругах и среди интеллигенции. Дополняющий коллективизацию проект форсированной «совхозизации» также был встречен в научных и партийных кругах достаточно скептически, за исключением когорты молодых аграрников-марксистов, грезивших о пришествии высокомеханизированного социализма в деревню [Труды первой всесоюзной..., 1930]. Тем временем на пленуме ЦК, где Сталин специально озвучил и поддержал идею создания многочисленных зерновых совхозов, ему резко возражали Григорий Яковлевич Сокольников и в особенности Николай Осинский (Валериан Валерианович Оболенский), Михаил Иванович Калинин колебался [Как ломали НЭП, 2000. С. 453—524, 482—485, 513—516]. А на специальном совещании с экспертами по сельскому хозяйству под руководством Молотова и Калинина профессора старой агрономической школы предупреждали об опасности форсированного создания фабричных агрогигантов в засушливых степях, где непредсказуемые погодные условия, несовершенство транспортной и складской инфраструктуры, неотработанные аграрные технологии стопроцентной механизации могли привести к фатальной неудаче амбициозного совхозного

строительства⁶. Сталин был непреклонен. Проектами гигантских совхозов он даже шантажировал противников внеэкономического нажима на крестьян, утверждая, что ему всё равно, откуда будут взяты недостающие для индустриализации 100 млн пудов хлеба, поэтому если 100 млн пудов принесет реализация проекта создания совхозов — агрофабрик, тогда возможно притормозить эксцессы коллективизации и раскулачивания [Как ломали НЭП, 2000. С. 17–18].

Ко времени описываемых событий 1928 года Чаянов был снят с поста директора НИИСХЭ, отстранен от заведования кафедрой. Против Чаянова и его коллег развернулась идеологическая травля со стороны аграрников-марксистов. Свертывались, подвергаясь жестокой критике, любые исследования самостоятельного крестьянского хозяйства, а любые формы крестьянской кооперации, кроме колхозной, объявлялись кулацкими и мелкобуржуазными [Труды первой всесоюзной..., 1930].

Одновременно набирала обороты кампания восхваления агрофабричной стопроцентной механизации сельского хозяйства. В 1929 году в СССР для консультаций совхозного строительства был приглашен знаменитый американский агропредприниматель Томас Кэмпбелл, хозяин крупнейшей в мире стопроцентно механизированной агрофабрики на площади в 36 тыс. га в штате Монтана, прозванный Агро-Фордом за свои эксперименты в области конвейерной механизации сельского хозяйства [Никулин, 2008].

В этих условиях Чаянов уже в 1928 году решает поддержать план развертывания нового совхозного строительства и активно, вплоть до своего ареста в 1930 году, занимается вопросами разработки гигантских агрофабрик по американскому образцу. Многие современники Чаянова, его критики и коллеги, небезосновательно полагали, что Чаянов, испугавшись политических угроз лично в его адрес и всего его научного направления, таким образом перестроился, чтобы избежать возможных дальнейших репрессий.

Надо признать, что у Чаянова к этому времени просто не оставалось выбора. Его исследование кооперируемой крестьянской экономики было объявлено кулацкой теорией и идеологией. Заниматься обоснованием живодерски создаваемых колхозов он категорически отказывался, убедительно доказав в своих предшествующих работах, насколько проблематичной является экономика колхоза. А вот начать всё с «чистого листа», точнее с пустого целинного поля, на котором предполагалось возвести комплекс высокомеханизированных агрофабрик, можно было попробовать. Действительно, если бы этот сов-

---

⁶ См.: Совещание специалистов по вопросу об организации крупных советских хозяйств (зерновых фабрик) 16 мая 1928 года. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 109. Л. 174–232.

хозный проект оказался успешным, он бы в определенной степени стал амортизатором чудовищных издержек и провалов колхозного строительства.

Итак, Чаянов принимает вызов: с 1928-го по 1930 год он публикует дюжину статей, посвященных проектированию крупных зерновых совхозов. Фактически первым среди советских экономистов Чаянов в 1928 году в статье «Совхозы-гиганты...» ставит принципиальный вопрос о сходствах и различиях, перспективах двух путей развития сверхкрупного аграрного производства — американского и советского [Чаянов, 1928. С. 3].

Он скептически относится к эйфории от некритического заимствования американского опыта в начинаниях совхозного строительства среди юго-восточных степей СССР: «Очень многие склонны полагать, что эти начинания представляют собой просто попытку перенести американскую технику тракторного хозяйства в условия нашей засушливой полосы. Нечто вроде переноса клеверной системы Форда на наши заводы. Стоит, однако, более внимательно приглядеться к дебатующим сейчас проектам, чтобы убедиться, что не в Америке тут дело, и вот почему...» [Чаянов, 1928. С. 3].

Далее Чаянов напоминает, что высокомеханизированная Америка 1920-х годов всё же отнюдь не страна крупных сельскохозяйственных предприятий. Средний размер аграрного предприятия — фермы, по данным американского ценза 1925 года, составлял всего 38 акров, или 16 га, а среди 6 371 640 хозяйств США только 7455, или около 0,1%, по своей площади превышали 2000 га. И подавляющее большинство из них представляли собой экстенсивные, не зерновые, а пастбищно-скотоводческие хозяйства Техаса. В сущности, на все США имелся лишь единственный пример реально высокомеханизированной гигантской агрофабрики Томаса Кэмпбелла площадью в 36 тыс. га. А советские реформаторы грезили о создании сотен по-американски механизированных совхозов, каждый из которых должен был превосходить по своей площади и другим параметрам агрофабрику Кэмпбелла!

Поэтому, заключал Чаянов, у американцев можно заимствовать лишь некоторые технические элементы крупного хозяйства, но сами организационные формы советских земледельческих гигантов придется изобретать фактически с нуля. На всякий случай Чаянов делал оговорку относительно опыта других регионов мира: «Немного нам дадут в этом отношении другие страны, вроде Уругвая и Южной Африки, где размеры хозяйств несравненно большие, чем в США, но тип хозяйства по преимуществу скотоводческий» [Чаянов, 1928. С. 3].

Но если в малолюдных советских степях предстояло решить фактически ранее не ставившуюся задачу организации сверхкрупного аграрного производства, то, например, в предгорьях Кавказа к этому

добавлялась и сложнейшая социальная проблема, которую Чаянов на примере знаменитого в то время на всю страну Дигорского эксперимента по созданию агрокомбината в Северной Осетии описывал следующим образом: «На территории будущего Дигорского комбината с большой скученностью живет 12 000 человек населения (в том числе около 6000 рабочего возраста). Задыхаясь от малоземелья, они развивают сверхинтенсивные формы хозяйства, форсируя развитие трудоемких культур и оплачивая высокий валовой доход района снижением производительности труда. Закреплять эту ситуацию в комбинате бессмысленно.

Однако одно введение американской техники, обработки и уборки сразу сделает излишней половину рабочей силы. Подбор культур по наибольшей производительности труда, а не по валовому доходу, сократит ее до 30–40 процентов от теперешней. Поэтому, освобождая этот труд от земледелия, мы должны дать ему приложение со столь же высоким коэффициентом производительности. Отсюда неизбежная идея о комбинате, то есть о дополнении сельского хозяйства индустриальным производством и специальными отраслями, способными поглотить освобождающийся труд.

Вряд ли нужно говорить, что при такой постановке организационной работы в Дигорском комбинате ставится самая важная, самая острая и самая неотложная из всех проблем нашего народного хозяйства — *проблема ликвидации аграрного перенаселения*.

В направлении решения этой проблемы ни Америка, ни другие страны не могут дать нам ничего. Вся работа, вся ответственность за ее результаты ложатся на нас самих» [Чаянов, 1928. С. 3].

Последующие 2,5 года своей работы, вплоть до ареста по обвинению в организации антисоветского заговора в начале 1930 года, Чаянов посвятит разработке оптимальных планов и форм гигантских совхозов и агрокомбинатов. Накануне ареста Чаянов подготовил к печати монографию о перспективах сверхкрупного советского земледелия, которая бесследно исчезла среди его конфискованных при аресте документов [Никулин, 2004].

Чаянов полагал, что в советских условиях возможно было бы реализовать план амбициозной, доселе нигде в мире не виданной системы сверхкрупного аграрного производства. Но на пути его воплощения в жизнь, предупреждал Чаянов, перед СССР в 1930 году стояли две труднейшие проблемы, без разрешения которых план оказывался невыполнимым, — достаточного финансового и кадрового обеспечения совхозного строительства. Особенно Чаянова беспокоил кадровый вопрос. Так, в декабре 1929 года он писал: «Наш старый агрономический персонал незначителен по своему количеству и воспитан на навыках совершенно иного типа хозяйств и иной техники. Поэтому для нас вопрос о кадрах — это не вопрос подбора, а вопрос

создания. Нам думается, что сеть наших вузов и техникумов будет бессильна в кратчайшие сроки, которые лежат перед нами, дать нужные гигантские по своим размерам кадры» [Чаянов, 1929. С. 101]. Предупреждал Чаянов и об опасности забюрократизированности процессов организации совхозов, сводящих на нет экономическую эффективность такого типа государственных предприятий. Свои последние статьи перед арестом Чаянов посвятил именно подготовке новых кадров советского земледелия [Чаянов, 1930].

Для решения проблемы совхозного кадрового голода советская власть пригласила некоторое количество квалифицированных американских аграрников-механизаторов [Никулин, 2008]. Но число этих зарубежных специалистов было лишь каплей в море спешно созданных в начале 1930-х годов гигантских совхозов и агрокомбинатов. И, конечно, громадная совхозная реформа потребовала для своего осуществления таких колоссальных финансовых средств, которые советская власть не могла изыскать среди всех плановых авралов и просчетов первой пятилетки.

В 1932 году Советы сердечно и спешно распрощались с американцами в совхозах, поблагодарив их за помощь и уверив, что теперь советские люди способны со своими гигантскими агрофабриками справиться сами. На самом деле в 1932 году совхозное строительство (наряду, конечно, с колхозным) постиг жесточайший экономический, технологический и экологический кризис. Поля агрогигантов зарастали сорняками, деморализованная рабочая сила разбежалась, надвигался великий голод [Зеленин, 1996]. Чаянов к тому времени продолжал томиться в тюрьме, в 1937 году был расстрелян.

Советское совхозное строительство в 1930-е годы было в значительной степени свернуто. Впрочем, советская власть никогда не отказывалась от идеала сверхкрупного государственного аграрного предприятия, именно его считая венцом прогрессивной сельскохозяйственной эволюции. Но все последующие реформы и эксперименты с совхозами Сталина, Хрущева, Брежнева в конце концов так и оставались высокочрезвычайно затратными, забюрократизированными, низкоэффективными мероприятиями.

Современные наследники советских государственных агропредприятий — государственно-капиталистические агрохолдинги, конечно, опираются на несравненно более мощную научно-технологическую базу сельского развития по сравнению с ситуацией 1920–1930-х годов. Хотя и они продолжают системно страдать от финансовой прозорливости, бюрократической раздутости, а также от кадрового голода. Вот почему и в США, и во всех других развитых странах Запада в сфере собственно земледелия по-прежнему господствуют более мобильные, экономичные, впрочем, также и весьма высокотехнологичные семейно-фермерские хозяйства.

Что касается наследников агрофабрики Кэмпбелла и советских совхозов, то сейчас их экспансия происходит на полуперифериях капитализма, преимущественно в постсоциалистических и латиноамериканских странах. Собственно, крестьянская (нефермерская и неагрохолдинговая) экономика, которой в свое время Чаянов уделил больше всего внимания в своих исследованиях, упорно борется за свое существование на полуперифериях и перифериях глобальной мир-системы.

Заключение

Подводя итог аналитическому обзору изучения Чаяновым мировой аграрной регионалистики, необходимо отметить, что в своем научном творчестве он изначально стремился к широкомасштабным компаративистским региональным исследованиям. Его предвоенные исследования сельского хозяйства европейских стран, органично сочетаясь с анализом российской крестьянской экономики, способствовали формированию универсальных теорий крестьянского хозяйства, сельскохозяйственной кооперации, общественной агрономии и оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий. Впрочем, на ранних этапах Чаянов, как представляется, был слишком прогрессистски оптимистичен и европоцентричен, полагая, что экономические и социальные успехи роста благосостояния Европы начала XX века означают их дальнейшее поступательное распространение в остальном мире.

Катастрофические события Первой мировой войны и Гражданской войны в России привели Чаянова к более сложному и драматическому восприятию всемирной социально-экономической региональной реальности. В результате в своих новых аналитических моделях и теоретических постулатах ученый поставил вопросы различных, параллельно существующих макро- и микроэкономических региональных систем, где важное значение имеют натурально-хозяйственные характеристики автаркичности.

Возглавив в 1920-е годы ведущий сельскохозяйственный научно-исследовательский экономический институт СССР — НИИСХЭ, Чаянов превратил его в одно из лучших научно-исследовательских учреждений мирового уровня. При этом, включая свой институт во всемирную сеть интеллектуального аграрно-экономического обмена, Чаянов одновременно исследовал и реконструировал региональную географию важнейших аграрных и экономических центров, идей, имен, которые, по его мнению, располагались в той или иной региональной последовательности между полюсами влияния немецкой теории и американской эмпирики 1920-х годов — двух главных идейных аграрно-экономических течений своего времени.

В своем анализе всемирной регионалистики сельскохозяйственного производства 1920-х годов Чаянов, подчеркивая доминирующее значение форм сельской экономики домохозяйств, также выделял среди них два полюса: капиталистическое американское фермерство и индийско-китайское крестьянство. По мнению Чаянова, остальные региональные сельские семейные экономики, включая и российскую, находились в той или иной степени между этими двумя полюсами. Чаянов предлагал для советской России, в которой, по его мнению, сосуществовали самые разнообразные образцы экономики сельских домохозяйств как индийско-китайского крестьянского, так и американского фермерского типов, избрать путь последовательного и разнообразного сельскохозяйственного вертикального рыночного кооперирования крестьянства под контролем государства. По мнению Чаянова, этот путь советской сельскохозяйственной эволюции в перспективе являлся более эффективным и устойчивым, чем путь капиталистической эволюции американского фермерства.

Форсированная коллективизация 1920-х годов в СССР включала в себя и планы создания гигантских государственных фабрик зерна и мяса — совхозов и агрокомбинатов с применением широкомасштабной американской механизации. Чаянов показал, что между организацией советского совхоза и американской агрофабрики существуют принципиальные социально-экономические различия, при которых невозможно шаблонно перенести опыт зерновой агрофабрики из степи штата Монтана на степные поля совхозов Северного Кавказа, Украины и Сибири. Чаянов предостерегал, что изначальная нехватка инвестиций и кадров при организации совхозов может обернуться тяжелой экономической неудачей, что и произошло в 1932 году, катастрофическом для сельского хозяйства советской России. Вместе с тем Чаянов никогда не отрицал перспектив развития крупных аграрных предприятий.

Возникает вопрос: почему наследие А. В. Чаянова, спешно запрещенное в России, оказалось так же быстро и прочно забытым за рубежом к середине XX века? Лишь отдельные редкие ссылки на Чаянова можно встретить с 1930-х по 1950-е годы в публикациях по аграрной тематике США, Германии и Японии [Назаренко, 1988].

Почему наследие Чаянова пришлось заново и так экзотически открывать в 1960-е годы? Обнаружив среди индийских аграрников огромный интерес к рекомендациям какой-то книжки на немецком языке «Теория крестьянского хозяйства» какого-то, по-видимому, «германского профессора Шаянова», английские и французские ученые перевели и опубликовали отчасти на английском, отчасти на русском избранные произведения вновь открытого ими для мира российского аграрника Чаянова [Шанин, 1988. С. 152].

По-видимому, глобальный политический и экономический кризис 1929 года и последовавшие за ним катастрофические социальные

события 1930-х годов в Германии, Восточной Европе [Agriculture..., 2014] и СССР [Мерль, 2015] нанесли роковой удар по классической германской и российской аграрно-экономической науке с их стремлением развивать особую аграрную политэкономию и социологию. На смену германо-российскому энциклопедическому аграризму, претендовавшему на особую аграрно-экономико-философскую теорию социального развития [Bruisch, 2014], на несколько десятилетий приходит универсальный эмпирико-прагматичный прогрессистский американо-саксонский стиль аграрных исследований.

Но крах колониальной системы в 1960-е годы, сопровождаемый возникновением и ростом стран третьего мира с их значительным и разнообразным крестьянским населением, многообразные пути «зеленой революции», трансформация экономик стран социалистического блока в конце XX века, а в настоящее время и поиски многополярных направлений экологического сельско-городского развития — всё это вызывает интерес к переосмыслению междисциплинарных и межрегиональных аграрных концепций А. В. Чаянова.

Литература

1. *Баязин В. Н.* Профессор Александр Чаянов. М.: Агропромиздат, 1990.
2. *Бруцкус Б. Д.* Землеустройство и расселение за границей и в России. СПб., 1909.
3. *Данилов В. П.* Русская революция в судьбе А. В. Чаянова // История крестьянства России в XX веке. Избр. труды: В 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 2.
4. *Зеленин И. Е.* Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х — 30-е годы) // Отечественная история. 1996. № 2. С. 55–65.
5. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 томах / Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 года. Об организации новых зерновых совхозов. М.: МДФ, 2000. Т. 2. С. 27–234.
6. *Макаров Н. П.* Как американские фермеры организовали свое хозяйство. Нью-Йорк: Association Press, 1921.
7. *Макаров Н. П.* Зерновое хозяйство северной Америки. М.: Новая деревня, 1924.
8. *Мерль Ш.* Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941) // Крестьяноведение. М.: Дело, 2015. Т. 10. С. 88–147.
9. *Назаренко В. И.* А. В. Чаянов и зарубежная аграрно-экономическая наука // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 8. С. 35–38.
10. *Никулин А. М.* Чаяновская версия коллективизации // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 215–30.
11. *Никулин А. М.* Американские аграрники в СССР: «Ты теперь в совхозе!» // Знамя. 2008. № 10. С. 178–188.
12. *Рыбников А. А.* Сельское хозяйство Северной Америки за время 1913–1922 годов. М.: Новая деревня. 1923.
13. *Студенский Г. А.* Машины и энергия в крупных сельскохозяйственных предприятиях Германии. Самара. 1928.
14. Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов. М., 1930. Т. 1.
15. Хроника научной жизни // Известия Московского сельскохозяйственного института. 1912. Март. С. 17.

16. Чаянов А. В. Странствующие кафедры в Италии // Вестник сельского хозяйства. 1908. № 33. С. 6–7; № 34. С. 8–10.
17. Чаянов А. В. Кооперация в сельском хозяйстве Италии. М., 1909.
18. Чаянов А. В. Сельскохозяйственный кредит в Бельгии: Из доклада Комитету о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах // Вестник сельского хозяйства. 1910. № 6. С. 11–13; № 7. С. 9–11; № 10. С. 8–11; № 11. С. 11–13; № 15. С. 9–11, 16–18.
19. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство в Швейцарии. М., 1912.
20. Чаянов А. В. Страхование скота во Франции. М., 1913.
21. Чаянов А. В. К вопросу о народном благосостоянии в Европе // Современник. 1914. № 8. С. 230–234.
22. Чаянов А. В. Проблема населения в изолированном Государстве-Острове // Агрономический журнал. Харьков, 1915. Кн. 2. С. 2–15.
23. Чаянов А. В. Продовольственный вопрос. М., 1917.
24. Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919.
25. Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное издательство, 1925.
26. Чаянов А. В. Новейшие течения в области экономических наук на Западе // Пути сельского хозяйства. 1926. № 10. С. 27–33.
27. Чаянов А. В. Краткий обзор центров экономической мысли в области сельского хозяйства в Европе и других странах // Бюллетень НИИСХЭ. 1927. № 1–2. С. 21–27.
28. Чаянов А. В. Совхозы-гиганты // Экономическая жизнь. 1928. № 255. С. 4.
29. Чаянов А. В. Техническая организация зерновых фабрик // Экономическое обозрение. 1929. № 12. С. 95–101.
30. Чаянов А. В. Новые кадры нового земледелия // Социалистическое земледелие. 1930. 5 янв. С. 5.
31. Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. М.: Дашков и К°, 2003. С. 245–314.
32. Чаянов А. В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем (пер. с нем.) // Чаянов и Восток. М.: ИНИОН, 1992. С. 114–143.
33. Чаянов В. А., Петриков А. В. Чаянов А. В. в следствии ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии (1930–1932 гг.) // Сельский мир (альм.). М., 1998. Вып. 2. С. 4–38.
34. Чаянов А. В. Письмо А. В. Чаянова В. М. Молотову о представлении записки о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран // А. В. Чаянов. Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. М.: Дашков и К°, 2003. С. 205–221.
35. Челинцев А. Н. Плодоводство в Англии // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. Т. 229. № 1. С. 103–127.
36. Шанин Т. Наследие А. В. Чаянова: положения теории, ошибочные толкования и современные теории развития // Вестник сельскохозяйственной науки. 1989. № 2. С. 4–18.
37. Шульце Э. А. В. Чаянов и проблемы размеров сельскохозяйственных предприятий // Наследие А. В. Чаянова и современная аграрная экономика. М., 2008. С. 45–50.
38. Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernization, 1922–1945 / L. F. Prieto, J. Pan-Montojo, M. Cabo (eds.). Turnhout, Belgium: Brepols Publishers, 2014.

39. *Bourgholtzer F.* Aleksandr Chayanov and Russian Berlin // *Journal of Peasant Studies*. 1999. Vol. 26(4). P. 13–53.
40. *Bruisch K.* Als das Dorf noch Zukunft war: Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln: Böhlau Verlag, 2014.
41. *Kerblay B. A. V. Chayanov: Life, Career, Works* // A. V. Chayanov. *The Theory of Peasant Economy* / D. Thorner, B. Kerblay, R. E. F. Smith (eds.). Homewood, IL: Richard Irwin (American Economic Association), 1966. P. 17–28.
42. *Tschajanow A. W.* Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau. Berlin: Parey, 1923.
43. *Tschajanow A.* Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme // *Weltwirtschaftliches Archiv*. Tübingen. Bd. 51. H. 3. 1924. S. 577–613.
44. *Van der Ploeg J. D.* Peasants and the Art of Farming: A Chayanovian Manifesto. Halifax, NS, Canada; Winnipeg, MB, Canada: Fernwood Publishing, 2013.

Ekonomicheskaya Politika, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 150–177

Alexander M. NIKULIN, Cand. Sci. (Econ.). Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation).
E-mail: nikulin@ranepa.ru

A. V. Chayanov's International Regionalistics (On the 80th Anniversary of the Death of the Scientist)

Abstract

In addition to comprehensive studies of Russian agriculture, outstanding Russian agrarian-economist Alexander Chayanov (1888–1937) has left a vast scientific legacy relating to the study of agrarian economies of the most diverse regions of the world. It was Chayanov's free orientation in the issues of the international agrarian economy, science and politics that enabled him to organically realize in his studies both Russian and foreign agrarian experience giving a universal character to his theoretical concepts of peasant economy, rural cooperatives, social agronomy and economic policy. So far, neither in the Russian, nor in the foreign scientific literature have there been any special works devoted to Chayanov's international agrarian studies. This article seeks to fill this gap through reconstructing the main landmarks and themes of Chayanov's international agrarian research projects and updating them in keeping with the modern understanding of Russian and international agrarian problems. The article reviews such issues as: the evolution of A. V. Chayanov's agrarian and economic views on the agriculture of Europe at the beginning of the 20th century including rethinking of the importance of autarky and naturalization of agriculture in Russia and the world under the conditions of world and civil wars; international agrarian studies by Chayanov and his institute in the 1920s. The last part of the article analyzes Chayanov's dramatic attempts made in the course of the Soviet collectivization to rationalize projects of creating super-large agrarian enterprises — state farms orientated on the experience of the American 100% mechanization. In conclusion, the study addresses the reasons for Chayanov's international agricultural heritage being in demand in the 21st century.
Keywords: A. V. Chayanov, agriculture, economic theory, regions, peasantry, farming, state farm, autarky.

JEL: B31, P51, Q18, R58.

References

1. Baliazin V. N. *Professor Aleksandr Chaianov [Professor Alexander Chayanov]*. Moscow, Agropromizdat, 1990.
2. Brutskus B. D. *Zemleustroistvo i rasselenie za granitse i v Rossii [Land Management and Resettlement Abroad and in Russia]*. SPb., 1909.
3. Danilov V. P. Russkaia revoliutsiia v sud'be A. V. Chaianova [The Russian Revolution in the Fate of A. V. Chayanov]. In: *Istoriia krest'ianstva Rossii v XX veke. Izbr. trudy: V 2 ch. [History of Russian Peasantry in XX Century. Selected Works: in 2 Parts]*. Moscow, ROSSPEN, 2011, vol. 2.
4. Zelenin I. E. Pervaia sovetskaia programma massovogo osvoeniia tselinnykh zemel' (konets 20-kh-30-e gody) [The First Soviet Program of Mass Development of Virgin Lands (late 20s-30s)]. *Otechestvennaia istoriia [National history]*, 1996, no. 2, pp. 55-65.
5. Kak lomali NEP. Stenogrammy plenumov TsK VKP(b) 1928-1929 gg. V 5 tomakh [How They Were Breaking the NEP. Transcripts of the Plenums of the Central Committee of the CPSU(b) 1928-1929. In 5 vol.]. In: *Plenum TsK VKP(b) 4-12 iul'ia 1928 goda. Ob organizatsii novykh zernovykh sovkhozov [Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) July 4-12, 1928. On the Organization of New Grain State Farms]*. Moscow, MDF, 2000, vol. 2, pp. 231-295.
6. Makarov N. P. *Kak amerikanskii fermeri organizovali svoe khoziaistvo [How American Farmers Organized Their Economy]*. NY, Association Press, 1921.
7. Makarov N. P. *Zernovoe khoziaistvo severnoi Ameriki [Grain Economy of North America]*. Moscow, Novaia derevnia, 1924.
8. Merl' Sh. Kak udalos' Stalinu vospriiatstvovat' «zelenoi revoliutsii» v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-tekhnicheskogo progressa (1927-1941) [How Did Stalin Manage to Prevent the “Green Revolution” in Russia? On the Issue of Inhibition of Agrarian and Technical Progress (1927-1941)]. In: *Krest'ianovedenie [Peasant Studies]*. Moscow, Delo, 2015, vol. 10, pp. 88-147.
9. Nazarenko V. I. A. V. Chaianov i zarubezhnaia agrarno-ekonomicheskaia nauka [A. V. Chayanov and International Agrarian and Economic Science]. *Vestnik sel'skokhoziaistvennoi nauki [Herald of Agricultural Science]*. 1988, no. 8, pp. 35-38.
10. Nikulin A. M. Chaianovskaia versiiia kollektivizatsii [Chayanov's Version of Collectivization]. *Otechestvennye zapiski [National Notes]*, 2004, no. 1, pp. 215-230.
11. Nikulin A. M. Amerikanskii agrarniki v SSSR: “Ty teper' v sovkhoze!” [American Agrarians in the USSR: “You Are in a State Farm Now!”]. *Znamia [Banner]*, 2008, no. 10, pp. 178-188.
12. Rybnikov A. A. *Sel'skoe khoziaistvo Severnoi Ameriki za vremia 1913-1922 godov [Agriculture of North America During the Period of 1913-1922]*. Moscow, Novaia derevnia, 1923.
13. Studenskii G. A. *Mashiny i energii v krupnykh sel'skokhoziaistvennykh predpriatiiakh Germanii [Machines and Energy in Large Agricultural Enterprises in Germany]*. Samara, 1928.
14. *Trudy pervoi vsesoiuznoi konferentsii agrarnikov-marksistov. T. 1. [Works of the First All-Union Conference of Agrarian Marxists. Vol. 1]*. Moscow, 1930.
15. Hronika nauchnoi zhizni [Chronicle of Scientific Life]. *Izvestiia Moskovskogo sel'skokhoziaistvennogo instituta [Proceedings of the Moscow Agricultural Institute]*, Moscow, 1912, Mar., p. 17.
16. Chaianov A. V. Stranstvuiushchie kafedry v Italii [Wandering Chairs in Italy]. *Vestnik sel'skogo khoziaistva [Herald of Agriculture]*, 1909, no. 33, pp. 6-7; no. 34, pp. 8-10.
17. Chaianov A. V. *Kooperatsiia v sel'skom khoziaistve Italii [Cooperation in the Agriculture of Italy]*. Moscow, 1909.

18. Chaianov A. V. Sel'skokhoziaistvennyi kredit v Bel'gii: Iz doklada Komiteta o sel'skikh ssudo-sberegatel'nykh i promyshlennykh tovarishchestvakh [Agricultural Loan in Belgium: From the Report to the Committee on Rural Savings and Industrial Partnerships]. *Vestnik sel'skogo khoziaistva [Herald of Agriculture]*, 1910, no. 6, pp. 11-13; no. 7, pp. 9-11; no. 10, pp. 8-11; no. 11, pp. 11-13; no. 15, pp. 9-11, 16-18.
19. Chaianov A. V. *Krest'ianskoe khoziaistvo v Shveitsarii [Peasant Farming in Switzerland]*. Moscow, 1912.
20. Chaianov A. V. *Strakhovanie skota vo Frantsii [Livestock Insurance in France]*. Moscow, 1913.
21. Chaianov A. V. K voprosu o narodnom blagosostoianii v Evrope [On the Issue of National Welfare in Europe]. *Sovremennik [Contemporary]*, 1914, no. 8, pp. 230-234.
22. Chaianov A. V. Problema naseleniia v izolirovannom Gosudarstve-Ostrove [The Problem of the Population in the Isolated Island-State]. *Agronomicheskii zhurnal [Agricultural Journal]*, Kharkov, 1915, no. 2, pp. 12-15.
23. Chaianov A. V. *Prodovol'stvennyi vopros [The Food Issue]*. Moscow, 1917.
24. Chaianov A. V. *Osnovnye idei i formy organizatsii krest'ianskoi kooperatsii [Basic Ideas and Forms of Organization of Peasant Cooperation]*. Moscow, 1919.
25. Chaianov A. V. *Organizatsiia krest'ianskogo khoziaistva [Peasant Farm Organization]*. Moscow, Kooperativnoe izdatel'stvo, 1925.
26. Chaianov A. V. Noveishie techeniia v oblasti ekonomicheskikh nauk na Zapade [The Newest Trends in the Field of Economic Science in the West]. *Puti sel'skogo khoziaistva [Ways of Agriculture]*, 1926, no. 10, pp. 27-33.
27. Chaianov A. V. Kratkii obzor tsentrov ekonomicheskoi mysli v oblasti sel'skogo khoziaistva v Evrope i drugih stranakh [Brief Overview of the Centers of Economic Thought in the Field of Agriculture in Europe and Other Countries]. *Biulleten' NIISKhE [Newsletter of NIISH]*, 1927, no. 1-2, pp. 21-27.
28. Chaianov A. V. Sovkhozy-giganty [Giant State Farms]. *Ekonomicheskaiia zhizn' [Economic Life]*, 1928, no. 255, p. 4.
29. Chaianov A. V. Tekhnicheskaiia organizatsiia zernovykh fabrik [Technical Organization of Grain Factories]. *Ekonomicheskoe obozrenie [Economic Observation]*, 1929, no. 12, p. 95-101.
30. Chaianov A. V. Novye kadry novogo zemledeliia [New Professionals of New Farming]. *Sotsialisticheskoe zemledelie [Socialist Agriculture]*, 1930, Jan. 5, p. 5.
31. Chaianov A. V. Puteshestvie moego brata Alekseia v stranu krest'ianskoi utopii [A Journey of My Brother Alexei to the Country of Peasant Utopia]. In: *A. V. Chaianov. Ne publikovavshiesia i maloizvestnye raboty [Unpublished and Little-Known Works]*. Moscow, Dashkov i K°, 2003, pp. 245-315.
32. Chaianov A. V. K voprosu o teorii nekapitalisticheskikh ekonomicheskikh sistem [On the Question of the Theory of Noncapitalist Economic Systems]. In: *Chaianov i Vostok [Chayanov and East]*. Moscow, INION, 1992, pp. 114-143.
33. Chaianov V. A., Petrikov A. V. Chaianov A. V. v sledstviu OGPU po delu Trudovoi krest'ianskoi partii (1930-1932 gg.) [Chayanov A. V. in the OGPU Investigation of the Case of the Labour Peasant Party (1930-1932)]. *Sel'skii mir [Rural World]*, Moscow, 1998, vol. 2, pp. 4-38.
34. Chaianov A. V. Pis'mo A. V. Chaianova V. M. Molotovu o predstavlenii zapiski o sovremennom sostoianii sel'skogo khoziaistva SSSR po sravneniiu ego s dovoennym polozheniem i polozheniem sel'skogo khoziaistva kapitalisticheskikh stran [Letter from A. V. Chayanov to V. M. Molotov on the Presentation of a Note on the Current State of Agriculture in the USSR in Comparison with the Pre-War Situation and the Situation in Agriculture in the Capitalist Countries]. In: *A. V. Chaianov. Ne publikovavshiesia i maloizvestnye raboty [Unpublished and Little-Known Works]*. Moscow, Dashkov i K°, 2003, pp. 205-221.

35. Chelintsev A. N. Plodovodstvo v Anglii [Fruit Growing in England]. *Sel'skoe khoziaistvo i lesovodstvo [Agriculture and Forestry]*, 1909, no. 1, vol. 229, pp. 103-127.
36. Shanin T. Nasledie A. V. Chaianova: polozheniia teorii, oshibochnye tolkovaniia i sovremennye teorii razvitiia [Heritage of A. V. Chayanov: Theory Provisions, Misinterpretations and Contemporary Development Theories]. *Vestnik sel'skokhoziaistvennoi nauki [Herald of Agricultural Science]*, 1989, no. 2, pp. 14-18.
37. Shul'tse E. A. V. Chaianov i problemy razmerov sel'skokhoziaistvennykh predpriiati [Chayanov and the Problem of the Size of Agricultural Enterprises]. In: *Nasledie A. V. Chaianova i sovremennaiia agrarnaia ekonomika [Heritage of A. V. Chayanov and Modern Agrarian Economy]*. Moscow, 2008, pp. 45-50.
38. Prieto L. F., Pan-Montojo J., Cabo M. (eds.). *Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernization, 1922-1945*. Turnhout, Belgium, Brepols Publishers, 2014.
39. Bourgholtzer F. Aleksandr Chayanov and Russian Berlin. *Journal of Peasant Studies*, 1999, vol. 26(4), pp. 13-53.
40. Bruisch K. *Als das Dorf noch zukunfft war: Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion*. Köln, Böhlau Verlag, 2014.
41. Kerblay B. A. V. Chayanov: Life, Career, Works. In: *Chayanov Aleksandr V. The Theory of Peasant Economy*. D. Thorner, B. Kerblay, R. E. F. Smith (eds.). Homewood, IL, Richard Irwin (American Economic Association), 1966, pp. 17-28.
42. Tschajanow A. W. *Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau*. Berlin, Parey, 1923.
43. Tschajanow A. Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme. In: *Weltwirtschaftliches Archiv*. Tübingen, Bd. 51, H. 3, 1924, S. 577-613.
44. Van der Ploeg J. D. *Peasants and the Art of Farming: A Chayanovian Manifesto*. Halifax, NS, Canada, Winnipeg, MB, Canada, Fernwood Publishing, 2013.